

Старинная запись. Франц Кафка

Боюсь, что в обороне нашего отечества многое упущено. До сей поры мы об этом не думали, каждый был занят своим делом, однако последние события вселяют в нас тревогу.

Я держу сапожную мастерскую на площади перед дворцом. Едва я спозаранок открываю лавку, как вижу, что входы во все прилегающие улицы заняты вооруженными воинами. Но это не наши солдаты, а, должно быть, кочевники с севера. Каким-то непостижимым образом они достигли столицы, хоть она и стоит далеко от рубежей. Так или иначе, они здесь; и сдается мне, число их с каждым днем растет.

Верные своему обычаю, они располагаются под открытым небом, домами же гнушаются. Единственное их занятие – оттачивать мечи, заострять стрелы и объезжать коней. Эту тихую площадь, которую мы от века содержим с боязливым попечением, они поистине превратили в конюшню. Мы иногда еще выбегаем из своих лавок, чтобы убрать самую омерзительную грязь, но раз от разу все реже; ведь наши труды пропадают даром, и мы рискуем попасть под копыта полудиких лошадей или под удары плети.

Говорить с кочевниками невозможно. Нашего языка они не знают, а своего у них как будто и нет. Между собой они объясняются, как галки. Все время доносится к нам их галочий грай. Наш уклад, наши установления им столь же непонятны, как и безразличны. Поэтому они даже знаки отказываются понимать. Хоть челюсть себе свихни, хоть выверни руки в суставах, они тебя не поняли и ни за что не поймут. Зато они горазды гримасничать, вращать глазами белками и брызгать слюной – однако это не значит, что они хотят что-то сказать вам или даже испугать; это их естество. Что ни понадобится – берут. И не то чтобы применяли насилие. Нет, мы сами отходим в сторонку и все им оставляем.

Моими запасами они тоже поживились, отобрав что получше. Но я не вправе роптать, когда вижу, каково приходится хозяину мясной, что напротив, через площадь. Едва он привозит товар, как кочевники рвут его из рук и дочиста пожирают. Кони их тоже лопают мясо: я часто вижу, как всадник растянулся на земле рядом со своим скакуном и оба насыщаются одним и тем же куском, каждый со своего конца. Наш мясник так напуган, что не решается закрыть торговлю. И мы собираем деньги, чтобы его поддержать. Если кочевников не кормить мясом, одному Богу известно, что они натворят; впрочем, одному Богу известно, что они натворят, хоть и корми их что ни день мясом.

Наконец мясник надумал избавиться хотя бы от убоя скотины. Как-то утром он привел живого быка. И закаялся вперед это делать. Добрый час пролежал я ничком на полу в самом дальнем углу мастерской. Набросил на себя все носильное платье, все одеяла и подушки, лишь бы не слышать рева несчастного животного: кочевники, накинувшись со всех сторон, зубами рвали живое мясо. Все давно утихло, когда я отважился выйти на площадь; словно бражники вокруг винной бочки, полегли они без сил вокруг останков быка.

Должно быть, в этот же день в дворцовом окне привиделась мне особа нашего государя; он никогда не появляется в парадных покоях, предпочитая укромные комнаты, выходящие в сад; на сей же раз он стоял у окна – или так мне показалось – и, понуря голову, наблюдал это гульбище перед дворцом.

Что же дальше? – спрашиваем мы себя. Долго ли нам еще терпеть эту тягость и муку? Дворец приманил к нам кочевников, но он не в силах их прогнать. Ворота за семью запорами; караул, что раньше на разводах проходил торжественным маршем туда и обратно, ныне прячется за решетчатыми окнами. Нам, ремесленникам и торговцам, доверено спасение отечества; но такая задача нам вовсе не по плечу, да мы никогда и не хвалились, что готовы за нее взяться. Это чистейшее недоразумение; и мы от него гибнем.